

Малина Максим Александрович,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: bestar@yandex.ru

Malina, Maksim A.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: bestar@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОКУРОРОМ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ ПЕРЕД СУДОМ

USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROSECUTORIAL DECISION BEFORE PUBLIC PROSECUTION IN COURT

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются вопросы целесообразности и правомерности использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Выявленные проблемы рассматриваются применительно к роли прокурора на этапе утверждения им обвинительного заключения. Для этого в методологических целях используется дореволюционный подход к трактовке понятия судоустройства: как устройство суда и его вспомогательных органов (концепция полноты судебной власти). Это позволяет рассматривать прокуратуру как часть судебной власти в функциональном смысле. При этом обосновывается вывод о том, что фундаментальное значение здесь имеет доказательственная деятельность прокурора на этапе принятия им решения о возбуждении публичного обвинения перед судом. Формируется ряд положений в отношении перспектив и ограничений процесса «цифровизации» такой его доказательственной деятельности. Анализируются ключевые аспекты миссии прокурора в досудебном производстве и выдвигаются предложения по использованию генеративного искусственного интеллекта (нейросетевых языковых моделей) для усиления гарантий обоснованности его решения о направлении дела в суд, что в свою очередь послужит повышению качества отправления правосудия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: уголовный процесс, суд, правосудие, прокурор, судебная власть, доказывание, искусственный интеллект, программирование, алгоритм, нейросеть

ABSTRACT. The article explores the feasibility and legality of using artificial intelligence in criminal proceedings. Identified problems are considered in relation to the role of the prosecutor at the stage of approval of the indictment. For this, for methodological purposes, a pre-revolutionary approach to the interpretation of the concept of the judicial system is used: as a device of the court and its auxiliary bodies (the concept of the completeness of the judiciary). This allows the prosecutor's office to be considered as part of the judiciary in a functional sense. At the same time, the conclusion is justified that the fundamental importance here is the evidentiary activity of the prosecutor at the stage of his decision to initiate public charges before the court. A number of provisions are being formed regarding the prospects and limitations of the process of «digitalization» of such evidence-based activities. Key aspects of the prosecutor's mission in pre-trial proceedings are analyzed and proposals are put forward for the use of generative artificial intelligence (neural network language models) to strengthen guarantees of the validity of his decision to send the case to court, which in turn will improve the quality of justice.

KEYWORDS: criminal process, court, justice, prosecutor, judiciary, proof, artificial intelligence, programming, algorithm, neural network

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Малина, М. А. Использование искусственного интеллекта при принятии прокурором решения о возбуждении публичного обвинения перед судом / М. А. Малина. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 104–112. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-13

FOR CITATION:

Malina, M. A. (2025) Use of Artificial Intelligence in Prosecutorial Decision Before Public Prosecution in Court. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(3): 104–112 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-13

Искусственный интеллект стремительно проникает в нашу жизнь. Очевидно, что это процесс неизбежный, дискуссия о его целесообразности уже в прошлом. Крайне актуальной теперь представляется задача правильного осмысления и регламентации этого явления, его адекватного аксиологического, телеологического, правового регулирования. Компьютеризация способна принести много пользы обществу, но может и повлечь просто фатальные последствия. Например, Илон Маск прямо заявляет о наступающей угрозе замены человека искусственным разумом [19]. В зарубежной научной литературе по этому поводу уже сформировался устойчивый термин: «замещение» – о перспективе замены людей на роботов и соответствующих негативных последствиях этого там давно пишут авторитетные ученые [17; 18, с. 548–549].

Естественно, не обделена вниманием эта проблематика и в России, особенно в юридическом доктринальном поле: одна из самых злободневных дискуссионных тем сегодня посвящена вопросу о том, может ли искусственный интеллект выступать в роли субъекта права [2; 7; 16]. Представляется, что исключительную остроту он приобретает в уголовно-правовой сфере, где риски и «ставки» максимально высоки, где поистине решаются судьбы людей. Не зря еще И. Я. Фойницкий отмечал, что в уголовном судопроизводстве рассматриваются «вопросы о наиболее важных благах общества и личности» [14, с. 8]. Здесь нужно действовать, что называется, с хирургической точностью – цена ошибки очень и очень высока. Поэтому любые новации, особенно такие радикальные, как пресловутая «цифровизация» уголовно-процессуальной сферы, должны предварительно подлежать глубокой теоретической разработке.

Иначе, поддавшись соблазну получить стопроцентно независимого, объективного, беспристрастного электронного судью или

энциклопедически образованного следователя-робота с неограниченной работоспособностью, можно лишить уголовный процесс его гуманистических начал, социальной направленности, идеи достижения здесь справедливости. Естественно, проблем в сохранении и укреплении правовой жизнеспособности этих ценностей в нашей суровой реальности немало. Но и не компьютер спасет ситуацию. Нельзя его привлекать в сферу уголовно-процессуальных общественных отношений в отрыве от аксиологической, идеологической системы координат, без учета духовно-нравственных оснований нашего менталитета. Вряд ли народу нужен неподкупный, но бездушный и безнравственный правоприменитель, способный лишь имитировать эмпатию, справедливость. Как говорится, можно вместе с водой выплеснуть и ребенка. Например, в этом легко убедиться, несколько абстрагировавшись от привычного представления судей в качестве юристов-профессионалов и посмотрев на искусственный интеллект на месте присяжного заседателя. О каком суде «общественной совести» [6, с. 3–4] может в этом случае идти речь? Или, невзирая на принцип равенства, замене на роботов будут подлежать только судьи-юристы? Абсурд. Как известно, благими намерениями...

Далее предлагаем рассмотреть проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве применительно к деятельности прокурора. И вот почему.

Дело в том, что прокурор в уголовном процессе выполняет исключительную по своей важности миссию, сопоставимую с ролью суда в осуществлении государственной власти. Об этом говорят видные современные ученые, например, Л. В. Головкин отмечает: «Прокуратура институционально наиболее тесно связана с судебной властью» [5, с. 8]. Не случайно им посвящена одна глава в Конституции РФ: «Су-

дебная власть и прокуратура» (глава 7). О процессуальной связи суда и прокуратуры очень точно в свое время высказался А. Ф. Кони, подметив: прокурор – «говорящий публично судья» [8, с. 41]. В уголовном судопроизводстве он защищает публичный интерес в целом и, вместе с тем, стоит на страже личных свобод в процессе применения права – это гарант обеспечения прав личности при производстве по уголовному делу. Прокурор подводит итоги досудебного производства, и, только при полной уверенности в обоснованности обвинения, он передает дело в суд и далее осуществляет в судебном разбирательстве уголовное преследование. Он остается при этом объективным и беспристрастным. В целом, несмотря на разнообразие моделей прокуратуры романо-германской правовой семьи, такая миссия выступает здесь в качестве системообразующего концептуального центра, задающего вектор телеологической конвергенции подходов к организации этого института.

Например, во Франции прокуратура и суд образуют единый корпус магистратуры. Магистраты прокуратуры, выступая в качестве стороны обвинения в уголовном процессе, должны (как и судьи) отвечать требованиям объективной беспристрастности: защищая интересы общества, прокуратура свободно оценивает необходимость, целесообразность предъявления публичного иска в уголовный суд [15, с. 61]. Естественно, такие полномочия могут принадлежать только власти судебной, обладающей правом решать судьбу дела и поэтому наделенной гарантиями независимости, объективности и непредвзятости.

В российском уголовном судопроизводстве по-разному проявлялась эта сущностная взаимосвязь суда и прокуратуры, с течением времени она претерпела разнообразные метаморфозы. Но ее концептуальные основания не изменились, сохранили логику уголовного процесса смешанной формы. Остановимся на них более подробно.

Для этого в методологических целях будем использовать дореволюционный подход к трактовке понятия судоустройства. Оно толковалось в широком смысле: как устройство суда и его вспомогательных органов. Что же это за органы? Судебная реформа Александра II имела своей целью учреждение независимой

и самостоятельной судебной власти. До этого суд не имел никакого влияния на участников судопроизводства, ему не подконтрольны были ни полицейские «следователи», ни прокуроры, ни стряпчие (адвокаты). Ясно, что ни о какой самостоятельности суда не могло быть и речи. При новом судоустройстве органы, без которых отправление правосудия невозможно, которые необходимы суду для выполнения своего предназначения, относились уже к «судебным установлениям» [12, с. 177]. Как писал В. К. Случевский, чтобы осуществить начало полноты судебной власти, законодательство включило в число лиц судебного ведомства не только судей, но и тех лиц, «которые отправляют функции, хотя и не чисто судебного свойства, но близко к ним прикасающиеся» [13, с. 94]. Это и есть «вспомогательные органы суда» (они так и назывались в научной литературе тех лет [1, с. 198–223]): судебные следователи, прокуроры, присяжные поверенные, нотариусы, судебные приставы. Они действуют для суда, действуют в интересах правосудия. И. Я. Фойницкий тогда писал: «Суд должен быть силой, а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредоточивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений» – и далее: «этот признак организации может быть назван полнотой судебной власти» [14, с. 189].

Нормативно статус вспомогательных органов суда был закреплен в Учреждении судебных установлений 1864 г. (далее – УСУ): при окружных судах состояли судебные следователи (ст. 79 УСУ); при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената – прокуроры и судебные приставы (ст. 125–127, ст. 297 УСУ); к судебным палатам были приписаны присяжные поверенные (ст. 356 УСУ); под наблюдением судебных мест находились нотариусы (ст. 420 УСУ).

То есть концепция или теория полноты судебной власти объединяла все участвующие в уголовном судопроизводстве органы как бы в единую систему реализации судебной власти, в единую систему отправления правосудия. Условно говоря, это пирамида, на вершине которой размещается суд. Естественно, его вспомогательные органы имеют свою автономную компетенцию, выполняют функции, часто име-

ющие разнонаправленный характер. Например, функция государственного обвинения, реализуемая прокурором, и функция защиты, осуществляемая адвокатом. Но начало или идея полноты судебной власти позволяет выделить их общее системообразующее свойство, сущностную характеристику: они нужны суду для отправления правосудия – в этом главная цель их организации и деятельности.

Полагаем, что концепция полноты судебной власти отнюдь не потеряла своей актуальности и сегодня. Она позволяет взглянуть на прокуратуру как на часть судебной власти в функциональном смысле: в уголовном процессе ее деятельность направлена на обеспечение отправления правосудия судом. Действуя непредвзято, беспристрастно, прокурор выполняет свои надзорные функции в досудебном производстве, далее полно и всесторонне исследует его итоги, законность и обоснованность предварительного расследования и возбуждает публичное обвинение перед судом. Если дело в формально-юридическом или содержательном аспектах для этого еще не готово, прокурор принимает меры по устранению выявленных недостатков. Утверждает обвинительное заключение (акт, постановление) он только при полной уверенности в виновности обвиняемого – она формируется в результате исключительно объективного и всестороннего исследования материалов дела, непредвзято проведенной оценки доказательств. Здесь вновь проявляется «генетическая» близость прокуратуры и судебной власти. Видна она и далее: избличая обвиняемого в судебном разбирательстве, прокурор также должен оставаться беспристрастным. Еще в Уставе уголовного судопроизводства закреплялось правило: если он «находит оправдания подсудимого уважительными, то он обязан, не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести» (ст. 740). Таким образом, прокурор не должен обвинять любой ценой, это блюститель законности, охранитель правопорядка: только действительно виновные должны привлекаться к уголовной ответственности. Верно отметил Н. И. Матузов: «Есть два способа разложить нацию – наказывать невиновных и не наказывать виновных» [11, с. 26]. Ясно, что без прокуратуры истинное правосудие невоз-

можно. В этом видится нам сущностная связь прокуратуры и суда.

Представляется, что первостепенное значение их взаимодействие имеет в доказывании, в процессуальном «познании» произошедшего. Опираясь на собранные в досудебном производстве доказательства, прокурор *ex officio* осуществляет уголовное преследование обвиняемого в судебном разбирательстве, избличает его перед судом. Содержательной основой, зачином этой миссии является его доказательственная деятельность на этапе утверждения обвинительного заключения. Именно на этот гносеологический фундамент прокурор полагается потом в суде: все представляемые стороной обвинения доказательства прошли его предварительную оценку. То есть при принятии прокурором решения о возбуждении публичного обвинения перед судом он становится субъектом доказательственной деятельности, осуществляется ее новый «виток». Все представленные ему материалы анализируются на предмет правовой и смысловой доброкачественности, пропускаются через юридические, логические «фильтры». Плохо расследованные дела не должны попадать в суд. Если это необходимо, доказательственная база обновляется, дополняется, укрепляется – прокурор возвращает дело следователю для проведения дополнительного следствия. Он также может самостоятельно признать доказательство недопустимым.

В итоге формируется окончательный вариант обвинения. Опираясь на него, прокурор понесет в суде бремя доказывания вины подсудимого и опровержения доводов защиты. Будет ли виновность обвиняемого доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда? Связь деятельности прокурора и суда достигает здесь своей кульминации – на их плечах лежит груз ответственности за правильное воплощение в жизнь конституционного принципа презумпции невиновности, за отправление действительно справедливого правосудия.

Повторим, фундаментальное значение при этом имеет доказательственная деятельность прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения. В какой-то мере здесь осуществляется некое *sui generis* «предание суду», естественно, не в институциональном, но в

сущностном, содержательном смысле. Соответственно следует поставить вопрос: будет ли тут полезен искусственный интеллект, способен ли он повысить качество этой доказательственной деятельности прокурора? Если да, то каким образом, в какой роли он здесь выступит?

Сегодня страницы печати научных изданий насыщены такими модными терминами, как «нейросети», «искусственный интеллект», «чат-боты» и др. Их использование вполне оправдано, ведь это позволяет привлечь внимание к определенным сущностным характеристикам соответствующих явлений в сфере информационных технологий. Например, в выражении «нейронная сеть» акцент сделан на том, что модель построена на технологии, имитирующей работу мозга – по аналогии с биологической нейронной сетью (нейронные связи, нейропластичность и др.). Когда мы говорим об «искусственном интеллекте», упор делается на способность системы к самообучению и развитию цифровых когнитивных компетенций, развитию ее «интеллекта». Привычные всем сегодня цифровые собеседники называются «чат-ботами», чтобы подчеркнуть их возможность вести диалоги, отвечать на вопросы.

В целом искусственный интеллект – это программные системы, способные к самообучению и осуществлению на этой основе соответствующих действий и принятию решений. Нейросеть является одним из методов реализации технологий искусственного интеллекта, его инструментом. Поэтому несмотря на то, что искусственный интеллект представляет собой более широкое понятие, чем нейросеть, благодаря их единой сущности, природе – в рамках настоящего исследования эти понятия будут использоваться нами как тождественные. Так как, при всем терминологическом многообразии, суть остается неизменной – в той или иной форме, в том или ином объеме, но речь всегда идет о «программировании». Это понятие практически забыто сегодня, но, по нашему мнению, наиболее точно отражает природу информационных технологий [3].

Дело в том, что в основе всех действий цифровой системы лежит компьютерная программа. То есть на «понятном» нейросети языке для нее составляется набор команд к выполнению определенной последовательности операций, то есть инструкций по воплощению создан-

ного человеком алгоритма. Так реализуется соответствующий вычислительный процесс. Сами объекты вычислений должны быть представлены формально, в виде математических моделей. То есть мы имеем дело с алгоритмическим воплощением математических моделей в компьютерной программе. Это позволяет отобразить для искусственного интеллекта мир в виртуальном формате. Нейросеть «живет» только в оцифрованной действительности, в получившей математическую интерпретацию реальности. То есть искусственному интеллекту подвластны, доступны лишь поддающиеся цифровизации, математическому моделированию явления, ибо запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации (вывод 1).

На этапе утверждения обвинительного заключения доказательственная составляющая деятельности прокурора представляет собой оценку доказательств: он проверяет соответствие выводов следователя тем фактическим обстоятельствам, которые были установлены в результате расследования, достаточность собранных доказательств для утверждения о виновности обвиняемого, проверяет доказательства на их юридическую доброкачественность, оценивает их достоверность и др. Прокурор самостоятельно собирать доказательства не вправе, поэтому, при выявлении неполноты предварительного расследования, он возвращает дело следователю для дополнительного следствия.

Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ оценка доказательств осуществляется свободно – по внутреннему убеждению субъекта доказывания, который руководствуется при этом законом и совестью. Уместно вспомнить слова А. Ф. Кони о том, что правоприменитель призван «прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела» [8, с. 19–20]. Ясно, что искусственный интеллект тут неприменим (следует вспомнить сделанный выше вывод – «вывод 1»): свобода в оценке доказательств подразумевает отсутствие формализации в принципе. Ну и совсем абсурдной представляется сама идея создать математическую модель совести – это попытка, так сказать, взвесить невесомое. Роботу не понятна житейская правда дела, он существует, «дееспособен» исключительно в цифровой плоскости.

Более того, алгоритмизация оценки доказательств неизбежно повлечет нарушение ч. 2 ст. 17 УПК РФ, где на принципиальном уровне установлен запрет надления каких-либо видов доказательств заранее установленной силой. И тогда нас ждет откат к теории формальных доказательств с ее правилами инквизиционной доказательственной «арифметики». Даже если представить себе, что для нейросети будет создана эта «шкала» силы каждого вида доказательств, рассчитаны эти «баллы», то она не сможет учесть столь необходимые в доказывании нравственно-психологические нюансы и особенности. Очень точно отмечал И. Я. Фойницкий, критикуя формальную оценку доказательств: она исключает необходимую «эластичность» доказательственной системы, предустановленные ее правила не могут «обнять всего разнообразия духовной жизни человека и потому вредны для правосудия» [14, с. 13]. Это приведет к несправедливым результатам такого правоприменительного процесса. Нейросеть и живой человек существуют в разных онтологических сферах, для доказывания это имеет принципиальное значение.

Ясно, что в правовой сфере такие феномены, как нравственность, психология, духовность неразрывно связаны с правосознанием. Ключевой элемент в его структуре – правовая психология. Это наши чувства, эмоции по отношению к праву, наша оценка его «духа», как говорится, не умом, но сердцем. Здесь программирование бессильно, так как это неподдающиеся формализации и математическому моделированию категории (вывод 1). Причем такой психологический отклик (правовая психология) является движущей силой для второго элемента правосознания – для правовой идеологии. Поэтому можно сделать вывод: нейросеть не может быть носителем правосознания (вывод 2), так как правовая психология, в силу представленных выше аргументов, для него просто невидима, неуловима. Исходя из этого можно сделать и следующие выводы: нейросеть неспособна к толкованию правовых норм (вывод 3), так как это невозможно без правосознания. Поэтому искусственный интеллект не способен к квалификации деяния (вывод 4), ведь для этого в обязательном порядке необходимо толкование правовой нормы [10].

На основе этих выводов подведем промежуточный итог. Нейросеть бесполезна и даже вредна во всех юридических процедурах этапа утверждения обвинительного заключения: проверка квалификации содеянного, выявление нарушений законодательства и др. Так же искусственный интеллект не способен к оценке доказательств – это аксиома.

Вместе с тем считаем, что он может выполнять очень важную вспомогательную роль в гносеологической составляющей деятельности прокурора при утверждении им обвинительного заключения. Здесь перспективным представляется использование стремительно развивающихся сегодня систем генеративного искусственного интеллекта. Они занимаются не только анализом и классификацией данных, но способны создавать новый контент. Отсюда и название. Технологии генеративного искусственного интеллекта уже используются в разнообразных сферах жизнедеятельности человека: повышают качество его работы, сокращают затраты сил и времени, самостоятельно выполняют целые комплексы задач. В маркетинге они производят различного рода рекламный контент, в информатике – создают программное обеспечение (пишут программы, разрабатывают системы их тестирования и т.д.), в образовании участвуют в составлении программ обучения, осуществляют его оптимизацию, моделируют новые форматы для обучения и др. Нейросеть участвует в создании музыкальных произведений, фото- и видеоконтента, применяется в различных арт-направлениях (графика, дизайн, проектирование и др.). При этом с каждым месяцем технологии становятся все более совершенными, система очень быстро и качественно самообучается.

Но особенно эффективным и перспективным является такое направление ее деятельности, как работа с текстом. Результаты здесь действительно впечатляют. Системы текстового искусственного интеллекта самостоятельно создают оригинальные произведения, успешно и быстро проверяют тексты, улучшают их (сокращают, исправляют, изменяют стилистику и др.), производят суммаризацию, переводят на разные языки. По заданию человека нейросеть пишет аннотации, рецензии, конструирует диалоги и др. Количество и качество инструментов работы с текстами растет просто в гео-

метрической прогрессии. В основе всех этих процессов лежат большие языковые модели, обучаемые просто на огромных объемах текстовой информации – Big Data. Здесь хранятся, обрабатываются и обновляются миллиарды, триллионы параметров для обнаружения и закрепления разнообразных взаимосвязей и закономерностей, анализируются сложные информационные паттерны. Сегодня мы повсеместно сталкиваемся с такими технологиями, это уже обыденность: система ChatGPT от компании OpenAI, китайские DeepSeek и Qwen, российская GigaChat от компании Сбер и др. Такого рода нейросетевые языковые модели, по нашему мнению, могли бы повысить качество доказательственной деятельности прокурора на этапе утверждения обвинительного заключения (в целях безопасности применяться здесь должны исключительно российские технологические разработки). И дело здесь вот в чем.

На уголовное дело в целом и на обвинительное заключение в частности можно посмотреть, как на набор текстов. Естественно, они изначально рассредоточены в самых разнообразных источниках: в протоколах следственных действий, в заключениях эксперта, специалиста, в иных документах (ст. 84 УПК РФ) и др., но система без труда создаст как бы их текстовую копию. Неважно, на каких носителях хранится информация, имеем ли мы дело с распечатанными бумагами, электронными документами, с паспортами, дипломами, фотографиями и т. д. – нейросетевая языковая модель переведет эту информацию в нужный ей формат, ранжирует, распределит ее по назначению. Сегодня есть много специальных онлайн-сервисов для особого рода распознавания и обработки данных: NewOCR, OnlainOCR, ImageroText и др. Повторим: использовать здесь следует только отечественные технологии, все данные должны быть защищены от несанкционированного доступа. В итоге мы получаем, так сказать, текстовую модель уголовного дела, готовую к работе с генеративным искусственным интеллектом.

Отметим сразу, что предлагаемый подход никак не связан с новомодной сегодня концепцией создания «электронного» уголовного дела, которая совершенно справедливо критикуется видными учеными [9, с. 70–73]. Мы предлагаем совершенно иное – создание текстового отражения материалов уголовного дела, чтобы да-

лее подвергнуть его специфическому анализу с помощью современных информационных технологий. Уголовное дело при этом остается прежним, неизменным.

Прежде всего нас интересует генерация текстовой «проекции» процесса доказывания. Причем можно поручить нейросетевым языковым моделям создать ее согласно заданной структуре и формату. Например, можно сразу разделить доказательства, подкрепляющие версию обвинения, и оправдательные доказательства, отсортировать доказательства по их виду (показания, заключения и пр.) и т. д. Далее начинается основная работа с полученной текстовой моделью. Искусственный интеллект проводит ее тщательный анализ с целью выявления логических противоречий в содержательном ее наполнении. Например, это могут быть несоответствия в показаниях допрошенных участников процесса, выявленные при сопоставлении представленных ими сведений (даты, адреса, метеорологические условия и описания местности, приметы внешности и др.), несостыковки в сравнениях выводов эксперта с результатами иных следственных действий, то есть речь идет о разнообразных смысловых расхождениях. Искусственный интеллект способен их распознать и представить в нужном виде. Ясно, что он не понимает, что «читает», но очень успешно устанавливает закономерности, шаблоны, связи между словами. Нейросеть может не только найти противоречия, пробелы в доказательственной базе дела, но и выявить существенные корреляционные связи между доказательствами, сформировать рекомендации по их укреплению, усилению.

Таким образом обоснованность обвинения будет подвергнута серьезной «когнитивной» проверке на прочность, гносеологическую доброкачественность. Прокурор обретает «умного» помощника. Еще раз обратим внимание: речь ни в коем случае не идет об оценке доказательств искусственным интеллектом. Он лишь осуществляет логическую «ревизию» доказательственной информации: создает и проверяет текстовую модель на наличие «смысловых» связей, находит закономерности, выявляет несостыковки, пробелы, противоречия. Система помогает упорядочить, проанализировать разнообразные сведения, она лишь обращает внимание, отчитывается, советует. Все это не яв-

ляется процессуальной деятельностью, то есть предлагаемые нейросетью меры и представленные результаты и выводы не влекут сами по себе никаких юридических последствий. Речь идет о своеобразном виртуальном «консалтинге». Такая деятельность искусственного интеллекта никоим образом не снижает здесь значимости миссии прокурора, ее первостепенного значения. Наоборот. От него потребуются больше познаний, необходимы новые компетенции для успешного взаимодействия с таким цифровым помощником. Ключевое значение здесь будут иметь навыки прокурора в формировании правильных промптов (prompt – запрос, подсказка). Именно с их помощью и осуществляется «общение» с нейросетью. Это команды, запросы, инструкции для генеративной языковой модели. Чем они более точны, качественны, тем лучше она «понимает», что от нее требуется. Рекомендации искусственного интеллекта будут носить информационный, ориентирующий характер. Только субъект доказывания (прокурор) решает: воспользоваться ими или нет.

Представленные ему результаты проведенного нейросетью анализа текстовой модели уголовного дела могут помочь в выявлении изъянов, неполноты проведенного в досудебном производстве доказывания. В случае их обнаружения прокурор возвращает дело, так сказать, на доследование, дает соответствующие письменные указания. При этом считаем: оставаясь здесь объективным и беспристрастным блюстителем законности (ввиду обоснованной выше точки зрения об институциональной, концептуальной близости миссии прокурора в уголовном процессе к судебной власти), он, в результате полного и всестороннего исследования материалов дела, может посчитать необходимым и обоснованным более тщательно проверить следственным путем и версию о невиновности обвиняемого. Более того, он может быть в ней уверен. Если следователь разделяет эту позицию и производит необходимые следственные действия (и в результате, например, прекращает уголовное преследование), то они с прокурором действуют гносеологически гармонично, синхронно, то есть в системном единстве. Но что делать, если следователь против? Очень точно по этому поводу высказался Л. В. Головкин: «Следователь не может напра-

вить дело в суд, минуя прокурора, а прокурор не может это дело прекратить, и в результате возникает настольный теннис» [4, с. 9].

Полагаем, что представленные нами предложения по повышению эффективности доказательственной деятельности прокурора могут укрепить, усилить гарантии справедливости правосудия в целом. Но это еще не все. Вкупе с аргументированной выше позицией о сущностной *suī generis* связи прокурора и суда, они могут выступить основанием для наделения здесь прокурора правом на прекращение уголовного дела.

Вот в целом основная идея. Естественно, ее воплощение в жизнь должно сопровождаться тщательным доктринальным осмыслением рассмотренных здесь проблем. Их исследование должно продолжаться. Поэтому приглашаем всех неравнодушных к поднятым вопросам ученых к дискуссии и дальнейшей научной работе в этом направлении.

Список использованных источников

1. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Москва: Юридическое бюро «Городец», 1997. 448 с.
2. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
3. Головкин Л. В. М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 29–36.
4. Головкин Л. В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4. С. 8–20.
5. Головкин Л. В. Спор об истине – это спор о векторе развития российского уголовного процесса // Судья. 2014. № 10. С. 4–10.
6. Джанишиев Г. Суд над судом присяжных. М.: Рассвет, 1896. 181 с.
7. Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2. С. 131–139.
8. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. 888 с.
9. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головкин. М.: Статут, 2025. 1041 с.
10. Малина М. А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.
11. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4. С. 17–33.

12. Романов С. В. Обеспечение полноты судебной власти в уголовном судопроизводстве // Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головки. М.: Юстицинформ, 2014. 340 с.
13. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. Санкт-Петербург, 1913. 670 с.
14. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. I. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 552 с.
15. Фонтен Л. Судья в поисках собственной легитимности / Суд и государство / под ред. Л. В. Головки, Б. Маттье. М.: Статут, 2018. 272 с.
16. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94–109.
17. Balkin J. M. The Path of Robotics Law. California: Yale Law School, 2015. 16 p.
18. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw // California Law Review. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 513–563.
19. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // Wall Street Journal. 2017. Vol. 7. P. 19–23.
5. Golovko L. V. The dispute about truth is a dispute about the vector of development of the Russian criminal process. *Judge*. 2014. No. 10. P. 4–10 [in Russ.].
6. Dzhanshiev G. Trial by jury. Moscow, 1896. 181 p. [in Russ.].
7. Zykov S. V. The problem of subjectivity of artificial intelligence. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. No. 2. P. 131–139 [in Russ.].
8. Koni A. F. Moral principles in criminal proceedings. Selected works. Moscow: Gosyurizdat, 1956. 888 p [in Russ.].
9. Course of Criminal Procedure. Ed. Doctor of Legal Sciences, prof. L. V. Golovko. Moscow: Statute, 2025. 1041 p. [in Russ.].
10. Malina M. A. The use of artificial intelligence in the administration of justice in criminal cases: problems and prospects. *State and Law*. 2022. No. 1. P. 91–97 [in Russ.].
11. Matuzov N. I. Legal nihilism as a way of life. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. 4. P. 17–33 [in Russ.].
12. Romanov S. V. Ensuring the completeness of the judiciary in criminal proceedings. Great Reform: to the 150th anniversary of the Judicial Charters. Т. II: Charter of criminal proceedings. Moscow: Justicinform, 2014. 340 p. [in Russ.].
13. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal process. Judicial system – legal proceedings. St. Petersburg, 1913. 670 p. [in Russ.].
14. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. Т. I. St. Petersburg: Alpha, 1996. 552 p. [in Russ.].
15. Fontaine L. Judge in search of his own legitimacy / Court and State Ed. L. V. Golovko, B. Mathieu. Moscow: Statute, 2018. 272 p. [in Russ.].
16. Channov S. E. Robot (artificial intelligence system) as a subject (quasi-subject) of law. *Actual Problems of Russian Law*. 2022. No. 12. P. 94–109 [in Russ.].
17. Balkin J. M. The Path of Robotics Law. California: Yale Law School, 2015. 16 p.
18. Calo R. Robotics and the Lessons of Ciberlaw. *California Law Review*. 2015. Vol. 103. No. 3. P. 513–563.
19. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat. *Wall Street Journal*. 2017. Vol. 7. P. 19–23.

References

Поступила в редакцию 17.09.2025
Received September 17, 2025